

1991 = 9

РОДИНА

ISSN 0235—7089

ПОХОРОНЫ ЭПОХИ

Главный редактор
В. П. ДОЛМАТОВ

Редакционная коллегия:
А. К. АВЕЛИЧЕВ
С. С. АВЕРИНЦЕВ
В. С. АРУТЮНОВ
 (главный художник)
И. А. БЕХТЕРЕВ,
 редактор отдела литературы и искусства
О. И. БОРИСОВ
В. В. БЫКОВ
П. В. ВОЛОБУЕВ
В. Л. ИВАНИЦКИЙ
 первый заместитель главного редактора
Т. А. КРАВЧЕНКО
 (редактор отдела истории)
Ф. Н. МЕДВЕДЕВ
 (редактор отдела русского зарубежья)
Б. А. МОЖАЕВ
В. А. ПАНКОВ
 (заместитель главного редактора)
В. М. ПЕСКОВ
Н. Я. ПЕТРАКОВ
А. В. ПОПОВ
 (редактор отдела межнациональных проблем)
А. С. ЦИПКО

Номер оформили:
В. С. Арутюнов
 при участии
Т. П. Яковлевой
 и **С. А. Артемьева**

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Издательство
 «СОВЕТСКАЯ
 РОССИЯ»

СТАРОЕ

50

«Татаро-монгольское иго» — одна из узловых тем в частых спорах о причинах извечной российской неустроенности. Чем обернулась для страны столь долгая экспансия несвободы? — размышляют участники «круглого стола» по проблемам иноземного нашествия на Русь.

70

Личность российского императора Павла I столь же однозначна, сколь и трагична. Некоторые считали его тираном-сумасбродом, другие — страдальцем-неудачником. Свое мнение на этот счет было и у историка А. А. Корнилова, чей «Курс истории России XIX века» мы начинаем публиковать.

77

Ошибка резидента Абея. Одну из версий биографии Рудольфа Абея (Вилли Фишера) предлагает в своей книге «Охотник вверх ногами» Кирилл Хенкин. Близко знавший Фишера, автор не только сообщает читателю массу сенсационных подробностей о работе и жизни Абея, но и пытается исследовать сложнейшую проблему взаимоотношений незаурядной личности и тоталитарного режима.

НОВОЕ

24

Русское зарубежье. Poleмика вокруг некоторых публикаций журнала «Синтаксис» выплескивалась и на страницы наших изданий. Продолжая знакомить читателей с наиболее значительными эмигрантскими изданиями («Новый журнал», «Континент», «Посев»), предоставляем сегодня слово «возмутителю спокойствия».

61

Эмиграция или миграция? — так поставил вопрос публицист Курт Видмайер, предлагающий свое решение проблемы советских немцев.

ВЕЧНОЕ

Об общности исторической миссии еврейского и русского народов размышляет сопредседатель Думы Российского христианского демократического движения Виктор Аксютин.

75

Письма Гиацинтова сестре. «Везде чужой» — так определил свой эмигрантский статус двоюродный брат актрисы Софьи Гиацинтовой, который после второй мировой войны поселился в Нью-Йорке, откуда и писал горькие письма в Россию.

66

Фольклорные материалы Ольги Щербининой («Бани, качели, дожди...» — «Родина», № 12, 1990 г.; «Топало притопало в рабочих сапогах» — № 3, 1991 г.), наверное, запомнились читателям свежестью и непосредственным восприятием деревенской жизни. Наш корреспондент снова в дороге. Публикация «Висим, висим — не падаем» — отчет об увиденном.

СОДЕРЖАНИЕ

А. ГОЛЬЦБЛАТ. <i>Противостояние.</i>	8
О. РУМЯНЦЕВ. <i>«Проект сверкнул, как молния...»</i>	10
И. КОЦ. <i>Поминальный день.</i>	12
В. АКСЮТИЦ. <i>Срыв.</i>	14
Б. СОКОЛОВ. <i>Числом, а не уменьем.</i>	16
В. ЛАМЗДОРФ. <i>Как бедному стать богатым.</i>	18
С. САПОЖНИКОВ. <i>Сапожниковы.</i>	23
А. ЗОТИКОВ. <i>Капля крови нации, взятая на анализ.</i>	24
А. КЛЕНОВ. <i>Видь и немли.</i>	25
А. ТЕРЦ. <i>«Коммунизм — это советская власть плюс эмиграция всей страны».</i>	31
А. ЕМЕЛЬЯНЕНКОВ. <i>Размечтался Иванушка об алмазном венце.</i>	34
Н. БУГАЙ. <i>Рекламный трюк Лаврентия Берии.</i>	39
Е. СТАРИКОВ. <i>Человек казармы.</i>	40
Н. ГРИГОРЬЕВА. <i>Любовь до гроба «с приворотом».</i>	45
Л. ВДОВИНА. <i>Исчезнувший пейзаж.</i>	48
«КРУГЛЫЙ СТОЛ» <i>«Наш путь — стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь»</i>	50
К. ВИДМАЙЕР. <i>Помогите нам остаться в России.</i>	61
О. ЩЕРБИНИНА. <i>Висим, висим — не падаем</i>	66
А. КОРНИЛОВ. <i>Плац-парад.</i>	70
В. БОРТНЕВСКИЙ. <i>Везде чужой.</i>	75
К. ХЕНКИН. <i>Арест в шоньскую ночь.</i>	77
А. СОСИНСКИЙ. <i>Домовой на рю Буало.</i>	83
В. АЛЕКСАНДРОВА. <i>Господа гимназисты.</i>	87
Ракурс.	90

ДОМОВОЙ НА РЮ БУАЛО

ВЛАДИМИР СОСИНСКИЙ

Владимир Сосинский (1900—1987) — писатель с удивительной литературной и человеческой судьбой. Едва окончив реальное училище, он оказался в кавалерии Врангелевской армии. Быстро разочаровавшись в Белом движении, он все же, как дворянин и офицер, давший присягу, честно прошел гражданскую до конца. И даже получил из рук барона Врангеля орден Николая Чудотворца за «взятие Перекопа с другой стороны», как он любил потом говаривать. После разгрома Белой Армии — обычный путь эмиграции: Крым, Константинополь, Болгария, Берлин, Париж. В Болгарии Вл. Сосинский познакомился с Вадимом Андреевым (сыном писателя Л. Н. Андреева) и Гайдо Газдановым, в Берлине он начал печататься (своим «литературным крестным отцом» он считал А. Н. Толстого, хотя на раннюю прозу Сосинского большее влияние оказал Борис Пильняк), а оставшись в Париже, быстро оказался в центре эмигрантской литературной жизни.

В двадцатые годы русская зарубежная критика высоко ставила его рассказы. Вл. Сосинский считался наиболее талантливым из молодых прозаиков, наряду с Сириным (Набоковым) и Газдановым. Но большую известность в эти годы он получил как критик и организатор литературных вечеров. Его восторженное принятие молодой совет-

ской литературы (Маяковского, Пастернака, Пильняка, Бабеля), дружба с Цветаевой, Поплавским, Ремизовым отнесли его к «левым». Консервативно настроенный Иван Бунин, подавая ему два пальца, язвительно говорил: «А, товарищ Сосинский, ну как стишки-с?» прекрасно зная, что кроме прозы тот ничего не писал. А Мережковский и Ходасевич даже написали на него донос во французское министерство иностранных дел за чрезмерно ретивую защиту Марины Цветаевой от оскорблений «правой» критики (Сосинский нанес общественную пощечину литератору Ю. Терапиано и вызвал его на дуэль).

Лишенная читателя, эмигрантская литература после расцвета двадцатых годов постепенно вымирала; на время перестал писать и Вл. Сосинский. Он женился (на дочке эсера В. М. Чернова), но спокойная парижская жизнь длилась недолго: вторая мировая война, Сосинский вновь доброволец (в этот раз в Иностранном Легионе французской армии), вновь подвиги на поле брани, вновь высшие боевые ордена, вновь поражение, а затем плен в Германии, французское Сопротивление, победа.

После войны благодаря поддержке А. М. Ремизова он получает работу редактора в Секретариате ООН и переезжает с семьей в Нью-Йорк. Выйдя на пенсию в 1960 году, Вл. Сосинский окон-

чательно возвращается в Россию, в надежде наконец обрести своего читателя. Но этой надежде не суждено было сбыться при его жизни: ему не хватает необходимого лицемерия, чтобы стать советским писателем (даже в относительно либеральное хрущевское время). Однако последние годы жизни в Москве он считал самыми счастливыми: в ставшей знаменитой, открытой для всех квартире 13 на Ленинском, 144 он окружен литературной молодежью и обретает не столько читателей, сколько слушателей — его неподражаемые устные рассказы и блистательные неофициальные лекции об эмигрантской литературе, в частности о Цветаевой и Ремизове, пользуются неизменным успехом.

В сущности, предлагаемый материал возник из таких лекций. С А. М. Ремизовым В. Сосинского связывала многолетняя дружба, начавшаяся в двадцатые годы как преклонение начинающего писателя перед признанным мастером, а затем, в последние годы, сыгравшая роль в творчестве Ремизова. Вл. Сосинский сумел найти в США, как теперь говорят, «спонсора» для финансирования парижского издательства «Оплетник»; в нем и вышли все последние вещи Алексея Михайловича Ремизова. Предлагаемые журналу «Родина» мемуары публикуются впервые.

Я было уже представил, как стою у дверей Ремизова на рю Буало и, не найдя никакого объявления, собираюсь позвонить, и таким образом хотел начать рассказ о встречах с Алексеем Михайловичем, как вдруг получаю из Парижа изумительную книгу «Огненная память» Н. В. Резниковой с трогательной дарственной надписью:

Милому моему дорогому
единственному
Володеньке — Наташа —
осень 1980

Прочтя, я понял: лучше я никогда не напишу — ну, так хоть зачин возьму у Наташи Резниковой.

«До войны в квартире Ремизовых поражала торжественность и особенная тишина (подчеркнуто мною. — В. С.), ритм установленного быта, приема гостей. На полках стояли книги, обернутые цветной бумагой; стены украшены какими-то удивительными вещами, развешенными с большим декоративным чувством.

Снаружи, к входной двери был прикреплен кнопкой голубой или зеленый кусочек бумаги с надписью, тщательно выведенной рукою Алексея Михайловича: «Висит зеленое и поет», а на свитой зеленой шерстинке никелевая монетка с дырочкой. Бывало, что дети срывали монетку, Алексей Михайлович деловито и терпеливо подвешивал новую.

Гости приходили вечером. Иногда дверь открывала Серафима Павловна, величественная, нарядная, в цветном платье. Встречала с улыбкой и лаской. После долгих поцелуев и приветствий вводила по коридору в «кукушкину комнату», где за письменным столом занимался Алексей Михайлович. Продолжая возиться и перебирать бумаги, А. М. здоровался так, *точно он только что расстался с вами:*

— Ну, рассказывайте!

Или сам сообщал что-то о чем-то или о ком-то, как *будто бы вам все известно* и он продолжает прерванный разговор. А. М. смотрел на вошедшего через круглые очки, улыбался, с ласковой внимательностью вглядываясь в лицо посетителя и создавая впечатление, что именно этот гость ему *интересен и важен*. Усаживая гостя против себя, А. М. сидел в своем кресле за письменным столом из простого дерева, раскрашенным красной и черной тушью, и обыкновенно рисовал.

На столе в определенном порядке стояли нужные и привычные вещи — чернильница, календарь, коробка с папиросами, большой коробок спичек, ручки, перья, карандаш, пресс-папье. Под лампой — Фейерменхен, матерчатый человек, гном, или клоун (очень старая дама скажет «паяс»), в черном колпачке, с грустным и ласковым взглядом. Фейерменхен — дух огня, от него свет и тепло.

На стене, над изголовьем узкого дивана, на котором спал А. М., тикали часы: деревянная кукушка выходила из домика и куковала, отсчитывая свое, кукушкино, время. Возле нее, на фоне золотой бумаги — Эспри. Это сухая веточка, напоминающая фигуру человека с привязанной на шнурке гладкой шишкой. Эспри был найден в ящике с дровами. По комнате, между столом и потолком, протянуты бечевки, идущие к углу. Когда-то, в Петербурге, в углу помещался паук, к нему шли игрушки, подвешенные на нитках, паук ел их*. Разные звери, пражские пестрые человечки, деревянное красное сердце из Германии, клешня, носатая птица, символическое и колдовское: рыбы скелеты — при их помощи шаманы вызывали бурю, тибетское ожерелье — подарок Рериха, веточки, тонкие косточки.

После приветствий, короткой беседы и обмена новостями А. М. проходил на кухню, ставил чайник. Сам заваривал крепкий душистый чай и укутывал чайник красной-рыжим колпаком. Все делалось чинно, по правилам, не спеша. С царственной улыбкой С. П. приглашает к столу, уставленному чашками, печеньем, сладостями. С. П. умела и любила угощать.

После чая «своих» гостей С. П. звала к себе, в «Серафима-Павловнину комнату»...

...Потом переходили в «кукушкину». А. М. продолжает заниматься, но следит за разговором, *выглядывает из-за бумаг и смотрит сквозь круглые очки, вставляет свое слово.*

А. М. маленького роста, сгорбленный, на вид слабый, но у него большая сила в руках и крепость голоса, как будто не громкого, но всегда отчетливого и твердого.

А. М. всегда чем-то занят: или клеит обложки и обрамления из цветной бумаги — данная ему для прочтения книга возвращается в разноцветной обложке — будущие «collades»** для них он сохраняет серебро от шоколада, яркие бумажки. Среди его общей одаренности (слово, музыка, рисование) поражает своей оригинальностью и мастерством его графический дар.

В те годы А. М. рисовал тончайшим пером, вплетая в узоры лица, фигурки, зверей. Впоследствии, с посте-

пенным ослаблением зрения, у него появится другая манера рисовать: уверенным росчерком толстой черты и затем выполнение подробностей и надписи тонким пером.

Прежде чем начать писать, А. М. должен увидеть, т. е. нарисовать, персонажей своего повествования.

Ремизовы постоянно перечитывают русских писателей, одного за другим, часто в присутствии зашедших гостей. А. М. читает вслух, подчеркивая карандашом на страницах книги то, что останавливает его внимание. Затем он рисует, изображая лица и сцены.

Утро и начало дня были посвящены работе. А. М. писал, С. П. или ходила в Школу восточных языков, где она читала лекции по русской палеографии, или занималась подготовкой лекции.

Гости «допускались» только с пяти часов вечера. По вечерам А. М. выходил из дому очень редко. Иногда Дягилев, Прокофьев, Кусевский присылали билеты в оперу.

С. П. ходила ко всеобщей, в гости или по делам. В ее отсутствие А. М. сам открывал дверь гостям, усаживал возле себя, разговаривал и шутил, внимательно о чем-нибудь расспрашивал**.

Почти одновременно с книгой об А. Ремизове Натальи Резниковой пришла ко мне и книга Александра Бахраха «По памяти, по записям». В ней имеется прелестный очерк «Ремизову было бы сто лет».

«Все это было так неправдоподобно давно, что теперь я даже не могу припомнить, как я познакомился с Ремизовым и кто впервые привел меня в его берлинское обиталище. Помню только, что, *перейдя его порог* (подчеркнуто мною. — В. С.), я почувствовал себя примерно так, как сказочная Алиса, вступившая в потустороннее пространство. Скромная, по-мещански меблированная квартира была приведена Ремизовым в «надлежащий» вид и была пропитана воздухом «взвиренной Руси», как он прозвал первые послеоктябрьские годы. Ремизовские комнаты были разукрашены какими-то яркими бумажными вырезками, от стены к стене была протянута веревка, на которой висели елочные мишки и какие-то амулеты, то и дело куковала невпопад какая-то заводная кукушка, а поверх всего обитала в этом житье супружеская чета, даже по внешнему облику ни с какой другой не схожая — то ли Филемон и Бавкида, то ли «старосветские интеллигенты».

Однако, несмотря на все эти колдовские декорации, очень скоро можно было почувствовать, что хозяин причудливой квартиры не столько чародей, сколько мудрец, который своими чудачествами и своими — иногда каверзными — «шуточками» только испытывает посетителей.

За долгие годы общения с Ремизовым я успел узнать его довольно близко, хотя едва ли сумел отгадать до конца. Что-то он всегда хранил в себе «за семью печатями», чего-то никогда не договаривал — ни в своих автобиографических писаниях, ни в самых задушевных разговорах.

* * *

Ему исполнилось бы теперь сто лет... Значит, он родился в дни, когда царствовал Александр II и доживали свои последние годы Достоевский и Тургенев. А на другом конце его жизни оказалась уже даже не «взвиренная Русь», а советская страна, в которой не осталось в живых ни одного из спутников его жизни, страна, которая была наглухо для него закрыта, к которой он, может быть, тянулся, но где он был бы меньше «ко двору», чем в любой из стран западного мира. Для уроженца Замоскворечья, где при его рождении еще

* См. ниже рассказ о матросе Горького.

** Ни в одном словаре я не нашел русский эквивалент этому слову: на картон наклеиваются разного размера и цвета клочки бумаги.

* Н. В. Резникова. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове, Париж, 1980 г.

свежа была память об Аксаковых и Киреевских, для него — последнего из «славянофилов» в том лучшем, что связывается с этим понятием, — это было трагично.

И сегодня, думая о нем, я еще раз невольно вспоминаю, как всякий раз, когда я покидал его жилище на рю Буало, он через довольно длинный коридор провожал меня до дверей и неизменно произносил: «Ну, идите с Богом». Это ремизовское «Идите с Богом», сказанное ласковым, чуть вкрадчивым голосом, до сих пор раздается в моих ушах»*.

После столь суровой отповеди А. Бахраха моей стране я не могу удержаться от того, чтоб не привести из книги К. Федина «Горький среди нас» следующих строк из его рассказов.

«В году восемнадцатом, когда вокруг, знаете ли, пенилось от событий, ночью зовут меня к телефону. Некий матрос, видите ли, непременно желает со мной разговаривать. Подхожу. Голос такой серьезный: «Это товарищ Горький?» «Я». «А какое можете доказательство привести, что это — вы?» «Если бы, — отвечаю, — вы к Шаляпину звонили, он, может, пропел бы что-нибудь в телефон, а мне что прикажете делать?» «Ну, — говорит, — теперь я вас узнал по разговору, я прежде вас на митинге слышал. Нам, — говорит, — вот тут понадобилась справочка. Мы сейчас в одном доме на Троицкой обыск делаем, так попали в комнату — ничего понять не можем: с потолка *чегонашки* (подчеркнуто мною. — В. С.) разные свешиваются, картонные, а то — шерстяные, на стенках — ведьмахи да лешие, письмена в закорючках, может, научные, не разберешь. И хозяин сам — не то колдун, не то домовый, а говорит — я, дескать, писатель. Застали его — он из раскрашенных бумажек бесенят клеит...» «Постойте, — говорю, — фамилия его не Ремизов ли?» Матрос даже повеселел: «Значит, он вам и правда знаком? А мы, — говорит, — не поверили, что вы его знаете. Неужели он — писатель?» «Да, — говорю, — и притом *писатель известный, выдающийся*. «А мои братьяны, — говорит, — попятись, как его увидели, думали — он не в своем уме». «Именно, — говорю, — в своем, только ум у него чудак». «Как же с ним быть?» «Оставьте его в покое». «А с чертями что теперь делать? — спрашивает. — Неудобно как-то». «И чертей, — говорю, — оставьте в неприкосновенности». «Всех?» «Всех до одного». Вздохнул серьезный товарищ: «Ладно, — говорит, — поступим согласно вашей справке. Разрешите, если еще на какого писателя нарвемся, опять к вам обратиться?» «Что же, — говорю, — обращайтесь, такое, видно, мое дело. Но желаю вам не попадать в столь затруднительное положение»**.

Сказочные украшения Кукушкиной комнаты на улице Буало не провожали Алексея Михайловича в последний путь, не провожали они и Серафиму Павловну, которая так же, как мы все, любила эти сказки, сказания и сказы, воплощенные из цветной бумаги или ткани в «чегонашки» и «ведьмаки», как хорошо назвал их горьковский матрос.

Эта история, о которой я хочу рассказать, носила трагический характер. Надо сказать, что, присматриваясь в течение долгих лет (1923—1957 — нашей дружбе около 35 лет) к Алексею Михайловичу, я пришел к выводу, что это был человек с обнаженными нервами: все вокруг, да и из книг, он воспринимал острее и глубже, чем это принято у людей... Конечно, это был дар Божий для писателя (никто после Достоевского так не

описывал людские страдания), но беда для человека.

В 20-х и 30-х годах я дружил в Париже с французским писателем Жозефом Кесселем, в 1962 году ставшим членом Французской академии «бессмертных». Родился он в Аргентине в семье врача, русского по происхождению, учился в Оренбурге — 1905—1913. Во Франции стал летчиком. Из всех его книг для меня наиболее дорог и памятен «Экипаж» — первый роман в мировой литературе об авиации. Во Французском Сопротивлении 1940—1944 гг. он создал очень популярную «Песню партизан» на русский мотив. Из многочисленных его книг есть две из русской жизни — из гражданской войны «Махно и его еврейка» и из жизни русских эмигрантов во Франции «Княжеские ночи».

И горький сказ мой начинается с «Княжеских ночей» — будь им пусто! (Кстати сказать — обе книги эти никакой литературной ценности не имеют.) Побывал как-то в гостях у Ремизова Кессель — это было для французского писателя как бы традиционным паломничеством — и любовно описал в этом романе большого писателя и его оригинальный рабочий кабинет. И вот, когда по этому роману ставили фильм, кинобандиты со всей своей страшной и ослепляющей аппаратурой шумно ворвались в тихую Кукушкину комнату и стали снимать писателя и всех его «ведьмаков» и «чегонашек»! И тут же ошеломленному Алексею Михайловичу предложили подписать выгодный контракт, если он согласится в «Княжеских ночах» сыграть самого себя. Но тут уже Серафима Павловна Довгелло — заиграла в ней запорожская кровь — не выдержала, взорвалась и бешено набросилась с криками и руганью на «синеастов» и выставила их из своей квартиры.

Так вот это событие произвело на Ремизовых такое сильное впечатление, что они тут же, вернувшись в Кукушкину, не сговариваясь, молча, полные негодования, стали снимать с потолка и со стен все свои сказки, сказания, сказы и уничтожать самое дорогое, что у них было в жизни...

Меня привела в восхищение только что вышедшая книга Натальи Резниковой «Огненная память». Передо мной под светом абажура лежит полученное из Парижа письмо:

«12 января 1981 г. — Милый, дорогой Володенька, вот мы и начали новый, 1981-й год. Какой-то он будет? Я в восторге от того, что моя книга понравилась тебе, и благодарю тебя за добрые теплые слова. Здесь тоже она всем понравилась, кто ее прочел. Но писать вообще некому. Наш здешний литературный мир оскудел, нету критиков. Остался один Бахрах».

Принял я в книге Резниковой все, подписываюсь под каждой ее строкой, жалею только о том, что у меня не хватило таланта написать такую дивную книгу о любимом нашем писателе. И вот только расхожусь и в этом одном расхожусь в корне, а именно — «Успех Ремизова во Франции, широкое признание со стороны русских за рубежом, интерес к нему советских ученых, исследователей древнерусской литературы, в последние годы его жизни радовали и ободряли его. Но это признание шло вразрез с тем образом, который Ремизов создавал о себе в течение всего своего писательского пути: *образ непризнанного, отталкиваемого, гонимого жизнью и людьми человека*». (Подчеркнуто мною. — В. С.)

Нет, дорогая Наташа, в этом я совершенно с тобой не согласен. У Алексея Михайловича это было не что иное, как игра — из числа многих других игр, забав, мистификаций. Он всегда жил в мире ирреального, в выдумках, в фантазии. Боже, как он любил разыгрывать и обманывать людей, даже самых близких и любимых.

Была такая особая тетрадь у Ремизова — куда она делась? В архиве Н. Резниковой я ее не обнаружил, нет

* А. Бахрах. По памяти, по записям. Литературные портреты «La Presse Libre». Париж, 1980.

** К. Федин. Горький среди нас. Картины литературной жизни. — Советский писатель. М., 1968. С. 111, 112.

ее и у Кодрянских, а собрать этот материал сейчас наново невозможно — куда Алексей Михайлович клеивал газетные и журнальные вырезки о событиях, никогда нигде не происходивших, о людях, как он говорит в одном из своих писем ко мне, «апокрифических из Цвофирзона» (увы, не мог расшифровать это имя!) и даже о людях «действительно живущих». Помню хорошо, как потом ему за эти заметки, которые он усердно рассылал по всем периодическим изданиям — больше всего пострадали на этом Рига, Таллинн, Харбин и Шанхай, — как ему влетало от редакторов и пострадавших, когда правда обнаруживалась, и сколько вредил он самому себе, когда те, рассердившись, переставали его печатать вообще. Но чудачества эти ему были дороги (это нельзя назвать чудачествами — это было что-то более глубокое), и не так легко ему было от них отказаться.

Образ непризнанного, гонимого жизнью и людьми писателя (человека) был ему особенно дорог, и, чтобы его сделать, он по крохам собрал у своих излюбленных героев («Повесть о Стратилатове», «Корявка», «Горезлосчастное», «По карнизам») этого Алексея Ремизова, о котором вспоминает Наталья Резникова в своей «Огненной памяти». Этот образ гонимого был еще дорог Алексею Михайловичу потому, что он был с его стороны чистой выдумкой, а, как известно, Ремизов всегда была дороже выдумка, ирреальность, сказка — чем реальное и реализм! Сон — чем явь!

И успех у французов и все прочее вовсе его так не радовало, к славе он был равнодушен и ценил у всего этого только переписку с сотрудниками Пушкинского Дома, исследователями древнерусской литературы: Р. П. Дмитриевой*, Д. С. Лихачевым, В. П. Адриановой-Перетц, Я. Лурье и особенно интенсивно с В. И. Малышевым, которого я первым делом по возвращении на Родину после сорокалетней с ней разлуки посетил в Ленинграде в 1960 году. И у меня он не раз бывал в Москве. И ценил эту переписку Алексей Михайлович только по соображениям научного обмена по любимому предмету: древнерусская литература, древнее письмо, которым сам владел в совершенстве, особенно почерком протопопа Аввакума!

Шутливо и с издевкой рассказывал Ремизов о своих «торговых» успехах, т. е. о своей славе, на мировом литературном рынке. Будет к месту сказать, что авангардное искусство нашего века — проза, живопись, музыка, танец — приняло Ремизова как своего, как желанного и любимого соратника. В Англии — четыре раза в году — издавался роскошный альманах — каждый номер издавался по-разному: «Весна», «Лето», «Осень» и «Зима», составленные из лучших произведений современных поэтов и прозаиков — не в переводах, а в оригинальной версии: по-английски, французски, немецки, испански и по-русски. Почти в каждом номере неизменно появлялся Алексей Ремизов на русском языке с его рисунками. Если его в номере не было, то обязательно были либо «Житие» протопопа Аввакума, либо «Апокалипсис нашего времени» Розанова, «Полунощники» Леонова, «О том, как исцелен был инок Еразм» Замятина либо «Соль» Бабеля.

Нет, не ошибаюсь я: равнодушен был к похвалам, как ребенок радовался лишь хуле и носился с нею, и, если печатная, клеивал в особую тетрадку. Знал, конечно, свое высокое призвание в искусстве, прекрасно знал бесспорную силу своего слова, но не подавал виду. Был скромн, сдержан в обнаружении своих достоинств

в отличие от горделивого Бунина и хвастливого донельзя Шмелева.

Искусство Алексея Ремизова — одно из самых передовых нашего века, самое авангардное. Недаром учились у него Замятин, «Серапионовы братья» (так как давно уже забыто, кто входил в эту литературную группу, возникшую в Петрограде в начале 1921 г., напомним главных: Вс. Иванов, М. Зощенко, В. Каверин, К. Федин, Ник. Тихонов), как бы нынче ни отрещивался Л. Леонов, и он учился у Ремизова, как и В. Шкловский, Б. Пильняк. Из зарубежных наших соотечественников отмечу самого талантливого из его учеников Бориса Пантелеймонова.

Недаром так любили Ремизова художники-авангардисты — кто иллюстрировал его книги, особенно обложки, — Добужинский, Нарбут, Петров-Водкин, Рерих, Сомов, Чехонин — Весь Серебряный Век! А кем восхищался сам Ремизов? Кандинским, Пуни, Шагалом, Пикассо. В музыке, балете? Дружил с Рахманиновым, Стравинским, Прокофьевым, Набоковым, Артуром Лурье, Дягилевым, Сергеем Лифарём, Скрябиным, Карсавиной, Спесивцевой, Евреиновым...

На днях — вот только что — вышел в Лондоне знаменитый, нынче, наверное, лучший в мире ежемесячник по искусству «Леонардо». В нем большая статья о рисунках Алексея Михайловича — и репродукции с них в красках даны в окружении современных передовых художников. Статья эта касается того периода в жизни Ремизова, который сам автор в списке книг так определяет:

«1931—1949. Тут меня и прикончили. И стал я альбомы делать: рукопись с картинками. Больше 200 альбомов, больше 2000 рисунков. И сорвал правый глаз. Никогда не знаешь, что такое «чересчур».

Упоминается в английской статье Апрель Пайман всемирная выставка в Париже «Писатели рисуют» (1935), где главным судьей был Пикассо и где золото получил Ремизов.

Пора сказать, что Ремизов целиком принадлежит своеобразному направлению философии существования — экзистенциализму. Его создателями на Западе называют Николая Бердяева и Льва Шестова. Оно было близко Хемингуэю, Сент-Экзюпери, Камю, Сартру — с двумя последними Ремизов дружил. Своими предшественниками экзистенциалисты с площади Сент-Жермен де Пре считают Кьеркегора и Достоевского.

Много лет я дружил с Алексеем Михайловичем Ремизовым. Полюбил его страстной любовью еще до знакомства с ним в Париже, на Принцевых островах в Турции — дружбе нашей четверть века! Но дружба не прекращается со смертью одного из двух: прибавьте еще четверть века. Все крепко хранится в памяти: как прекрасно писала мне Ариадна Эфрон-Цветаева в письме на смерть моей Ариадны, «в памяти живы все, и кто жив, и кого уже давно нет». Но и сегодня, как 50 лет тому назад, когда я впервые переступил наиважнейший порог в моей жизни — порог в доме на рю Буало — хотя это был не дом, а скорее храм, — стою я перед загадкой: кто он, этот человеческий и писательский гений? Тайна для всех, тайна и для меня, не разгаданная и по сей день. Писать о том, что он писал, еще могу, но изобразить его, каким он был, — увы — нет сил.

Закончу это свое эссе о нем вот такими золотыми словами: «Я отстаиваю свою свободу в своеволии и, никому не повинуюсь, иду своим путем».

Публикация и предисловие
АЛЕКСЕЯ СОСИНСКОГО

* «Повесть о Петре и Февронии» в пересказе А. М. Ремизова вышла в XXVI сборнике Трудов Отдела древнерусской литературы 1971. Низко кланяюсь Дмитриевой за то, что она ухитрилась через 50 лет замалчивания напечатать труд Ремизова целиком в приложении к своей статье.